

Глава 75

Действующие лица

В первые несколько часов нашего похода я сделал все, чтобы поближе познакомиться с парнями, которых Алверон посадил мне на шею. В переносном, конечно, смысле: во-первых, все они шли своими ногами, а во-вторых, одна из них была женщиной.

Первым привлек мое внимание Темпи, он же и удерживал его дольше всех, поскольку был первым наемником из адемов, которого я встретил. Темпи оказался вовсе не громиллой-убийцей со стальным взглядом, как я думал, а довольно невзрачным парнем, не очень-то высоким и не особенно крепко сбитым. Светлокожий, со светлыми волосами и светло-серыми глазами. Лицо его было бесстрастным, как чистый лист бумаги. На удивление бесстрастным. Нарочито бесстрастным, я бы сказал.

Я знал, что наемники из адемов носят кроваво-красные одежды, это у них вроде формы. Однако одежда Темпи выглядела совсем не так, как я ожидал. Его рубашка была притянута к телу десятком мягких кожаных ремней. Штаны тоже были туго перевязаны у бедер, лодыжек и колен. Все это было кроваво-красного цвета и сидело на нем так же туго, как перчатка на джентльмене.

День выдался солнечный, и я увидел, как Темпи начал потеть. Он привык к холодному разреженному воздуху Штормвала, и в здешних краях ему, должно быть, было чересчур жарко. За час до полудня он распустил кожаные перевязи на рубашке, содрал ее с себя и принялся утирать ею лицо и руки. Похоже, его ничуть не смущало, что он идет по королевскому тракту голым до пояса.

Кожа у Темпи была белая-белая, почти как сливки, а тело — тощее и поджарое, как у борзой, и мышцы переливались под кожей со звериной грацией. Я старался не пялиться на него, но глаз поневоле выхватывал узкие бледные шрамы, оплетающие плечи, грудь и спину.

Он ни разу не пожаловался на жару. Он вообще говорил мало, а на вопросы чаще отвечал, кивая или качая головой. У него была котомка, такая же, как моя, а его меч выглядел ничуть не устрашающе — скорее, наоборот, он был довольно короткий и неброский.

Дедан отличался от Темпи, насколько вообще один человек может отличаться от другого. Он был высок, широкоплеч, с мощной грудью и загривком. При нем был тяжелый меч, длинный кинжал, разрозненные доспехи вареной кожи, такой твердой, что ею можно было убить, и неоднократно чиненные. Короче, если вы хоть раз видели охранника при караване, значит, вы видели Дедана — или, по крайней мере, кого-то, скроенного из того же отреза ткани.

Он жрал больше всех, больше всех ныл, больше всех бранился и был упрямей мореного дуба. Но, надо отдать ему должное, он держался дружелюбно и был смешлив. Я испытывал искушение счесть его глупцом за его рост и манеры, но на самом деле Дедан был далеко не глуп, когда давал себе труд пораскинуть мозгами.

Геспе была женщиной-наемницей. Совсе не такая редкая птица, как думают некоторые. По внешности и снаряжению она была почти точной копией Дедана. Кожаные доспехи, тяжелый меч, обветренный и многоопытный вид. У нее были широкие плечи, сильные руки и гордое лицо с квадратной челюстью. И красивые белокурые волосы — но подстриженные коротко, по-мужски.

Однако считать ее женской версией Дедана было бы ошибкой. Она была настолько же сдержанна и замкнута, насколько он — болтлив и хвастлив. И, в то время как Дедан был легок в общении, когда не злился, Геспе все время держалась чуточку напряженно, как будто постоянно ожидала от кого-то неприятностей.

Мартен, наш следопыт, был старшим из нас. Он тоже одевался в кожу, но более мягкую и ухоженную, чем доспехи Дедана и Геспе. Он носил при себе длинный кинжал, короткий нож и охотничий лук.

Мартен служил егерем, пока не впал в немилость у баронета, чьи леса он охранял. Работа наемника была, конечно, гораздо хуже должности егеря, однако же она его кормила. Мартен хорошо стрелял из лука, так что в бою он тоже кое-чего стоил, хотя и не был так силен, как Дедан или Геспе.

Эти трое заключили временный союз несколько месяцев тому назад и с тех пор нанимались на работу вместе. Мартен мне рассказал, что им и прежде доводилось работать на маэра: в последний раз их наняли обходить дозором земли неподалеку от Тинуэ.

Мне потребовалось минут десять, чтобы сообразить, что по-настоящему походом должен был командовать Мартен. Он чувствовал себя в лесу куда уверенней, чем все мы, вместе взятые, и ему даже пару раз доводилось охотиться на людей за вознаграждение. Когда я сказал об этом ему, он только покачал головой, улыбнулся и сказал, что уметь делать что-то и хотеть это делать — две большие разницы.

Ну и, наконец, я — их отважный предводитель. В письме, которое вручил мне маэр, я описывался как «толковый юноша, хорошо образованный и обладающий множеством достоинств». Хотя это было чистой правдой, подобная характеристика заставляла меня чувствовать себя самым бесполезным из всех придворных фатов.

Да и то, что я был намного моложе их всех и костюм мой годился скорее для вечеринки, чем для похода, делу отнюдь не помогало. У меня с собой была моя лютня и кошелек маэра. Ни меча, ни доспехов, ни даже ножа...

Осмелюсь утверждать, они совершенно не понимали, что со мной таким делать.

* * *

Примерно за час до заката мы повстречали на дороге лудильщика. На нем был традиционный бурый балахон, подпоясанный веревкой. Тележки при нем не было: он вел под уздцы ослика, навьюченного узлами до такой степени, что животное походило на гриб.

Лудильщик неторопливо шагал нам навстречу, напевая:

Пускай повсюду благодать,
Кругом весна и счастье,
Не вечно солнышку сиять,
Придет еще ненастье!

Пускай на мелочи вам лень
Сегодня деньги тратить —
Но вот наступит черный день,
И мелочей не хватит!

На черный день, на черный час
Всегда необходимо
Иметь запас —
А вот как раз
Идет лудильщик мимо!

Я рассмеялся и заплодировал. Настоящий странствующий лудильщик — птица редкая, и я всегда рад подобной встрече. Мать говорила мне, что встреча с лудильщиком приносит удачу, а отец ценил их за новости, которые они разносят. Ну а то, что мне и вправду было необходимо кое-что прикупить, делало эту встречу втрое более желанной.

— Эй, лудильщик! — с улыбкой окликнул его Дедан. — Мне требуется очаг и кружка пива. Далеко ли до ближайшего трактира?

Лудильщик указал себе за спину.

— Минут двадцать ходьбы, и того не будет.

Он смерил взглядом Дедана.

— Только не говорите, что вам больше ничего не требуется! — воскликнул он. — Всякому человеку что-нибудь да надо.

Дедан вежливо покачал головой.

— Извини, лудильщик. Я поиздержался.

— А вы? — лудильщик окинул взглядом меня. — У вас вид молодого человека, которому точно что-то надо!

— Да, мне и в самом деле кое-что требуется, — признался я. Видя, что остальные с тоской посматривают вперед, в сторону трактира, я махнул им рукой. — Ступайте вперед! Я сейчас догоню.

Они зашагали дальше. Лудильщик, усмехаясь, потер руки.

— Ну-с, так что же вам угодно?

— Для начала — немного соли.

— И коробочка для нее, — добавил лудильщик, принимаясь рыться в тюках, навьюченных на ослика.

— И хорошо бы еще нож, если у вас найдется такой, который не слишком трудно достать.

— Тем более что вы отправляетесь на север, — тут же подхватил лудильщик. — Дороги там опасные. Без ножа нехорошо.

— А что, и у вас были неприятности? — спросил я, надеясь, что он может знать что-то, что помогло бы нам отыскать разбойников.

— Да нет, — ответил он, копаясь в вещах. — Дела еще не настолько плохи, чтобы кому-то пришлось в голову обидеть лудильщика. И все-таки дороги там опасные.

Он вытащил длинный узкий нож в кожаных ножнах и протянул его мне.

— Рамстонской стали!

Я вынул нож из ножен и оглядел клинок. Это и впрямь была рамстонская сталь.

— Да нет, мне бы чего попроще, — сказал я, возвращая ему нож. — Мне в основном для повседневных нужд, колбаску там порезать...

— А чем вам рамстонская сталь для повседневных нужд не годится? — возразил лудильщик, снова сунув мне нож. — Им можно лучину на растопку колоть, а потом сразу бриться! Заточку держит только так!

— Мне может потребоваться его и на излом взять, — уточнил я. — А рамстонская сталь хрупкая.

— Что есть, то есть, — охотно согласился лудильщик. — А как говаривал мой батюшка: «Лучшего ножа у вас не будет, пока этот не сломается!» Хотя это касается любого ножа. А по правде говоря, этот нож — единственный, что у меня есть.

Я вздохнул. Я же вижу, когда деваться некуда.

— И огниво.

Он протянул мне огниво едва ли не прежде, чем я успел это сказать.

— Я поневоле обратил внимание, что у вас пальцы в чернилах, — сказал он, указывая на мои руки. — У меня есть бумага, отличная бумага! И перья, и чернила тоже. Что может быть хуже, чем сочинить песню и не суметь ее записать?

Он протянул мне кожаную папку с бумагой, перьями и чернильницей.

Я покачал головой, помня, что кошелек маэра отнюдь не бездонный.

— Да нет, лудильщик, сдастся мне, песни писать я пока что бросил.

Он пожал плечами, по-прежнему протягивая мне папку.

— Ну, не песни, так письма! Я знаю одного парня, которому как-то раз пришлось вскрыть себе вены, чтобы написать

записку возлюбленной. Это, конечно, весьма романтично. И очень символично. Но еще и весьма болезненно, негигиенично и смотрится жутковато, если честно. Так что теперь он всегда носит при себе перо и чернила!

Я почувствовал, как кровь отхлынула от моего лица: слова лудильщика напомнили мне о том, о чем я совсем позабыл в спешке, уходя из Северена. Денна! После разговора с маэром о разбойниках, двух бутылок крепкого вина и бессонной ночи мысли о ней совершенно вылетели у меня из головы. И я ушел после нашей ужасной ссоры, не сказав ни слова! Что она подумает, раз я так жестоко разговаривал с ней, а потом взял и исчез?

Я был уже в целом дне пути от Северена. Не мог же я вернуться только затем, чтобы предупредить ее, что ухожу? Я поразмыслил. Нет. А кроме того, Денна сама столько раз исчезала без предупреждения, не сказав ничего на прощание... Уж конечно, она меня поймет, если я поступлю так же...

«Глупо... Глупо... Глупо...» Мои мысли метались по кругу: я пытался сделать выбор из нескольких равно неприятных вариантов.

И тут хриплый рев лудильщикова осла навел меня на мысль.

— Скажи, лудильщик, а ты, часом, не в Северен ли направляешься?

— Скорее за Северен, чем в него, — сказал он. — Но и туда тоже.

— Я только что вспомнил, что мне нужно отправить письмо. Если я тебе его дам, возьмешься ли ты отнести его в один трактир?

Он медленно кивнул.

— Возьмусь, — сказал он. — При условии, что вам понадобится бумага и чернила...

Он улыбнулся и помахал папкой.

Я поморщился.

— Понадобится, лудильщик. Но сперва скажи, сколько ты с меня возьмешь за все, вместе взятое?

Он окинул взглядом разложенные товары.

— Соль с коробочкой — четыре бита. Нож — пятнадцать битов. Бумага, перья и чернила — восемнадцать битов. Огниво — три бита.

— И доставка письма, — добавил я.

— Срочная доставка! — с улыбкой уточнил лудильщик. — Причем даме, судя по вашему выражению лица.

Я кивнул.

— Так-так... — лудильщик потер подбородок. — Ну, в других обстоятельствах я бы заломил тридцать пять, мы бы с вами как следует поторговались и вы бы сбили цену до тридцати.

Цена была разумная, особенно учитывая, как нелегко добыть хорошую бумагу. И тем не менее это была треть тех денег, что дал мне маэр. И эти деньги нам потребуются на еду, на ночлег, на другие нужды...

Но не успел я что-нибудь ответить, как лудильщик продолжал:

— Однако я вижу, что для вас это слишком дорого. А смею заметить, плащ на вас на диво хороший. Я лично всегда рад сторговаться и оказать человеку услугу...

Я машинально плотней завернулся в свой красивый вишневый плащ.

— Может, я бы и согласился с ним расстаться, — сказал я. Мне даже не пришлось изображать сожаление — оно было неподдельным. — Но тогда ведь я останусь без плаща! А ну как дождь пойдет, что же я стану делать?

— Это не проблема! — сказал лудильщик. Он вытряхнул из мешка матерчатый сверток и показал его мне. Когда-то ткань была черной, но от времени и многочисленных стирок она вылиняла, сделавшись темно-зеленоватой.

— Потрепанный малость, — заметил я, щупая расходящийся шов.

— Да ладно, просто хорошо обьеженный! — возразил лудильщик, набрасывая плащ мне на плечи. — А сидит-то как! И цвет вам идет, как раз глаза подчеркивает. К тому же на дороге, где полно разбойников, не стоит выглядеть чересчур богатым!

Я вздохнул.

— А что вы дадите мне в придачу? — спросил я, протягивая ему свой красивый плащ. — Этот плащ и месяца не ношен, заметь себе, и под дождем ни разу не бывал!

Лудильщик ощупал мой великолепный плащ.

— Ого, сколько кармашков! — с восхищением сказал он. — Чудная вещь!

Я пощупал потертую ткань плаща лудильщика.

— Если дадите в придачу иголку с ниткой, я, так и быть, сменяю свой плащ на все это добро, — сказал я, внезапно охваченный вдохновением. — И вдобавок уплачу вам железный пенни, медный пенни и серебряный пенни!

Я усмехнулся. Это были жалкие гроши. Но именно столько просят лудильщики в сказках, продавая какой-нибудь волшебный амулет ничего не подозревающему сыну вдовы, который отправился по свету искать счастья.

Лудильщик расхохотался, запрокинув голову.

— Я как раз собирался предложить то же самое! — сказал он. Потом закинул мой плащ на плечо и крепко пожал мне руку.

Я порылся в своем кошельке и выудил железный драб, два винтийских полупенни и, к своему изумлению, атуранский твердый пенни. Последнее было большой удачей для меня: твердый пенни стоил всего лишь малую часть винтийского серебряного кругля. Я вытряхнул содержимое десятка карманов вишневого плаща в свой дорожный мешок и забрал у лудильщика свое новое имущество.

Потом торопливо написал записку Денне, объяснив, что мой покровитель неожиданно отослал меня по делам. Извинился за все резкости, которые ей наговорил, и пообещал встретиться с нею сразу, как вернусь в Северен. Мне хотелось бы, чтобы у меня было побольше времени на то, чтобы составить это письмо. Мне хотелось бы подобрать более продуманные извинения, по-лучше все объяснить, — но лудильщик уже упаковал мой красивый плащ, и ему явно не терпелось отправиться дальше.

У меня не было воска, чтобы запечатать письмо, и я использовал уловку, которую придумал, когда писал письма для маэра. Я в несколько раз сложил лист бумаги, а потом свернул его так, что пришлось бы его разорвать, чтобы развернуть снова.

Я протянул письмо лудильщику.

— Его нужно отдать красивой черноволосой женщине по имени Денна. Она живет в «Четырех свечках» в Северене-Нижнем.

— Ах да, совсем забыл! — воскликнул лудильщик, пряча письмо в карман. — Свечки!

Он сунул руку во выюк и вытащил пучок толстых сальных свечей.

— Свечки-то точно всякому нужны!

Как ни забавно, свечки мне действительно могли пригодиться, хотя и не затем, что он думал.

— А еще у меня есть вакса для сапог, — продолжал он, роясь в тюках. — А то у нас тут знаете, какие ливни бывают?

Я рассмеялся и развел руками.

— Я, пожалуй, куплю у вас четыре свечки за бит, но больше я себе ничего позволить не могу. А то, если так дальше пойдет, мне придется купить у вас вашего осла, чтобы увезти все мои покупки!

— Ну, как желаете, — ответил он, легко пожав плечами. — Знаете, молодой господин, иметь с вами дело — одно удовольствие!

Глава 76

Растопка

На второй день солнце уже садилось, когда мы наконец нашли хорошее место для лагеря. Дедан отправился собирать хворост. Мартен принялся чистить картошку и морковку, а Геспе отправилась набрать воды в котелок. Я же взял лопатку Мартена и принялся копать яму под костер.

Темпи, не дожидаясь просьбы, взял сук и мечом настругал сухих стружечек на растопку. Без ножен его меч тоже смотрелся не особенно впечатляюще. Однако, учитывая, как легко он снимал с дерева тонкую, как бумага, стружку, он, должно быть, был острее бритвы.

Я как раз закончил обкладывать кострище камнями. Темпи молча протянул мне горсть растопки.

Я кивнул.

— Может, хочешь взять мой нож? — спросил я, надеясь втянуть его в разговор. За эти два дня я перекинулся с ним едва ли десятком слов.

Светло-серые глаза Темпи взглянули на нож у меня на поясе, потом на его меч... Он покачал головой и нервно передернулся.

— А разве это заточку не портит? — спросил я.

Наемник пожал плечами, избегая смотреть мне в глаза.

Я принялся раскладывать костер, и тут-то я допустил свою первую ошибку.

Надо сказать, вечер был холодный, а мы все устали. Так что вместо того, чтобы в течение получаса заботливо колдовать над костром, раздувая из крохотной искры большое пламя, я обложил наструганную Темпи растопку прутиками, потом расставил вокруг чурочки побольше, соорудив плотный дровяной шалашик.

Как раз когда я заканчивал, вернулся Дедан с очередной охапкой дров.

— Чудесно! — буркнул он себе под нос, достаточно тихо, чтобы при случае сделать вид, будто разговаривал сам с собой, однако достаточно громко, чтобы слышали все. — И это наш старшой! Замечательно!

— Что тебе теперь-то не по нраву? — устало осведомился Мартен.

— Нам костер нужен, а мальчик тут деревянную крепость строит!

Дедан театрально вздохнул, а потом обратился ко мне — он, вероятно, думал, что наставительно, а как по мне, то свысока:

— Слушай, давай помогу, а? Так тебе костер нипочем не разжечь. У тебя есть кремень и огниво? Давай я тебя научу, как ими пользоваться.

Никто не любит, когда с ним разговаривают таким тоном, но я этого просто не выношу. А Дедан уже два дня всячески пытался показать, что считает меня дураком.

Я испустил усталый вздох — самый стариковский, самый усталый от жизни вздох, какой только мог изобразить. Нужно было разыграть все как по нотам. Он считает меня бестолковым сопляком. Надо ему показать, как он ошибается.

— Дедан, — спросил я, — что ты обо мне знаешь?

Он растерянно уставился на меня.

— Ты знаешь обо мне только одно, — спокойно продолжал я. — Ты знаешь, что маэр назначил меня главным.

Я посмотрел ему в глаза.

— Как ты думаешь, маэр — он дурак?

Дедан замахал руками.

— Да нет, конечно, я просто...

Я встал — и тут же пожалел об этом: так куда сильнее бросалась в глаза наша разница в росте.

— Как ты думаешь, стал бы маэр назначать меня главным, будь я дураком?

Дедан неискренне улыбнулся, пытаясь свести на нет два дня пренебрежительных замечаний в мою сторону.

— Да нет, ты неправильно понял...

Я поднял руку.

— Это не твоя вина. Ты обо мне просто ничего не знаешь. Но давай не станем тратить на это время нынче вечером. Все